УДК 327(47+57)

Тюрин Е.А.,
ученый секретарь Орловского филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры политологии, государственного и
муниципального управления, кандидат политических наук, доцент (Россия)

К ВОПРОСУ О ЕВРАЗИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются концептуальные ориентиры евразийского государственного строительства. Автор, опираясь на теорию евразийства и метафизическую методологию, рассматривает исторический опыт идеологического обоснования цивилизационной интеграции народов и культур; анализирует современные интеграционные потенциалы постсоветских государств; показывает объективную обусловленность формирования новых подходов к евразийскому государственному строительству; доказывает необходимость формирования новой евразийской государственно-управленческой элиты. По мнению автора, особое значение в процессе формирования новой евразийской государственно-управленческой элиты и всего евразийского государственного строительства приобретает инновационная деятельность специализированных вузов, осуществляющих подготовку и переподготовку государственных служащих в России, Казахстане, Белоруссии, Киргизии и Таджикистане.

Ключевые слова: Евразийский Союз, евразийская интеграция, Евразийское Государство, государственное строительство, государство-цивилизация, триада «Человек — Общество — Государство», цели государственного управления, историческая память, пассионарность, братство народов, государствообразующий этнос, вестернизация, новая элита, подготовка государственно-управленческих кадров.

Кризисное положение постсоветских независимых государств Евразии на современном этапе их развития сопровождается усилением агрессивного проявления опасных исторических вызовов индустриально-экономического, военно-гегемонистского, террористического характера. В этой новой ситуации от бывших советских республик требуется выбор: либо, объединившись вокруг общей исторической памяти, снова создавать большое евразийское объединение народов, способных продемонстрировать цивилизационную мощь и стать серьезной планетарной силой, либо окончательно встроиться в чужие цивилизации, оставшись без достойного будущего.

Мы не случайно упомянули историческую память. Цивилизационный хронотоп изменился. Созданные Человеком информационные, наукоемкие, когнитивные и организационные технологии, распространившиеся и распространяющиеся по всей планете, вызвали мощную временную динамику, задавшую невероятное убыстрение общественных, политических, социальных и экономических процессов. Это привело к тому, что длительность явлений, их отображающих, сократилась до пяти лет. Происходит смена явлений иными феноменами с новыми сущностями и свойствами. По сути дела настоящее становится кратковременным.

Налицо внутренний кризис современной науки, которая с XVIII века изучает

природу, человека, общества, технику и т.д. как явления. Необходимо обращение к прошлому не как к совокупности фактов, а как к системе программ, языков и кодов. Эта система являет собой эволюционно отобранный потенциал и неиссякаемый ресурс для исследования не только настоящего, но и прогнозирования будущего[1]. Перед нами предстает в новом ракурсе триада «Прошлое — Настоящее — Будущее».

Возьмем прошлое Человека, создавшего общества, социальные институты, страны, регионы, города, сельские поселения. Оно выступает и как потенциал для их изучения, и как критерий оценки их функционирования. Этот методологический постулат метафизической методологии научных исследований[2] в контексте тематики данной статьи заставляет нас внимательнее анализировать исторический опыт евразийской интеграции народов, культур, государств. В данном ключе следует подходить и к проблеме евразийского государственного строительства в целом, и к проблеме формирования новой государственно-управленческой элиты в частности. Тем более что новая евразийская элита могла бы стать локомотивом процесса создания современного Евразийского Государства.

Евразийское объединение народов как уникальное социокультурное и политическое явление восходит по крайней мере к эпохе формирования индоевропейского суперэтноса. Индоевропейцы совершили социокультурный прорыв, который позволил не истреблять, а инкорпорировать различные этносы, включая их в систему родственных отношений. Таким образом, формально индоевропейцы — это первые евразийцы.

Отметим, что евразийский социокультурный тип задается родственными отношениями как специфическим видом эволюционно сформированного и развивающегося социального взаимодействия. Будучи многообразными, эти отношения в процессе эволюции актуализировали различные модели родства. Например, в случае с эллинизмом (одним из ранних типов евразийской интеграции) это были брачные отношения, хотя в целом круг отношений родства более широк.

Кстати, эллинистический евразийский проект, инициатором которого выступил Александр Македонский, оказался весьма продуктивным (пусть и с некоторыми оговорками). Показательно, что в основе этого проекта была политическая воля царя-философа, фактически сломавшего прежние шовинистические концепты (как эллинов, так и персов). Александр впервые стал сознательно и последовательно проводить политику интеграции различных культур, мечтая о едином народе в рамках одного государства. Впоследствии инициированный царем процесс смешения культур и народов приобрел стихийный и необратимый характер[3].

Именно брачные союзы символизировали единство Европы и Азии. Плутарх писал об этом следующее: «... вот как соединяют Азию с Европой мудрые цари — не бревнами, не плотами, не бездушными и бесчувственными связями, а связывающими племена узами честной любви, законных браков и общностью потомства»[4]. Таким образом, деятельность Александра Македонского по «смешиванию» закрытых, этноконфессионально чистых сообществ приобрела масштабы настоящей социокультурной революции. Держава Александра по существу так и не начала функционировать как единый государственный организм. Она распалась на мелкие (но жизнеспособные!) эллинистические царства. Но идея царя о «смешении народов, жизненных укладов, обычаев и брачных отношений в едином сосуде всеобъемлющей дружбы и любви»[5] придала новый импульс развитию евразийского макропространства в рамках всемирно-исторического процесса[6].

Александр, а вслед за ним и эллинистические общества впервые показали, что в практике евразийского государственного строительства базовой основой является «природное, естественное родство людей и народов»[7].

Ориентация на братские отношения проявлялась и в дальнейшей истории Евразии[8]. Парадигмальное значение фактам побратимства (а также усынов-

ления и заключения брачных союзов) в отношениях между русскими князьями и монгольской знатью придавали классики евразийства. Так, например, П.Н. Савицкий характеризовал отношения тюрок и славян как «органическое братание». Он считал, что над Евразией веет дух своеобразного «братства народов». «Это «братство народов» выражается в том, что здесь нет противоположения «высших» и «низших» рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается «воля к общему делу», — писал он. — История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем историческом деле»[9].

Н.С. Трубецкой также выделял специфически организованное «евразийское братство народов»: «Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания... Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно и прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов»[10]. Подобные постулаты классиков евразийского учения практически могут послужить основой для формирования концептуальных ориентиров при подготовке государственно-управленческих кадров в будущем Евразийском Союзе.

Безусловно, не следует абсолютизировать ценность братских отношений для народов Евразии. Отношения родства конституировали евразийский синтез прежде всего на уровне межгосударственных отношений народов-гегемонов, а не основной массы населения евразийских государств. На уровне же массовых субъектов евразийского синтеза, например славян и тюрок, могли складываться отношения другого вида, не обязательно символизируемые формами родства.

Иной вид своего практического воплощения идея братства народов обрела в Советском Союзе, осознававшемся как союз братских республик. В СССР интернационализм был основан на отношениях бескорыстной помощи братским народам. Асимметрия этих отношений, называемых отношениями социального заказа, характеризуется тем, что подзаказный незамедлительно и некритически откликается на любые желания заказчика. В данном контексте (применительно к современным интеграционным евразийским процессам) довольно однозначно высказался директор Института экономики РАН Р. Гринберг: «Мы не должны быть скрягами и бороться за каждый рубль или доллар в наших действиях, газовых или негазовых войнах. Если мы действительно хотим консолидировать постсоветское пространство, то у нас нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном плане — это потери, в долгосрочном — однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России»[11].

Следует отметить, что советское братство народов было вполне жизнеспособным. Этот тезис нашел свое подтверждение в многочисленных исторических испытаниях и свершениях, в которых советский (по сути, евразийский) народ проявил свои самые сильные стороны. Подчеркнем, что к «крупнейшей геополитической катастрофе XX века» — распаду СССР — привели духовное ослабление государствообразующего (русского) этноса и неспособность всей советской государственно-управленческой элиты отделить низшие цели развития триады «Человек — Общество — Государство» от высших.

Говоря о России, следует отметить, что у нее имеется очень мощный цивилизационный потенциал для того, чтобы сегодня быть активно вовлеченной в евразийскую интеграцию. Не случайно президент В.В. Путин в одной из своих программных предвыборных статей делает акцент на этом потенциале: «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором посто-

янно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов»[12].

Евразийское государственное строительство всегда было следствием выхода на историческую арену этноса, имеющего достаточно пассионарности, чтобы создать государственность, оптимальную для конкретных геополитических условий. Достаточно вспомнить скифов, персов, македонян и эллинов, арабов, монголов, тюркские и славянские народы.

Периоды же дезинтеграции обусловливались распадом государствообразующего этноса, утратой им жизненных сил. Возникновение и многовековое существование Российской державы — исторический результат цивилизационного творчества русского народа, создавшего такое государство, без которого в Евразии он не смог бы жить и развиваться.

Создание русским этносом из Московского княжества Российской державы можно объяснить двумя основными причинами:

— высокой пассионарностью русского народа, которая позволила ему освоить необходимое жизненное пространство в Евразии;

— особенностью стереотипа поведения русских в области межнациональных отношений, в силу которой присоединенные народы не превращались в людей второго сорта, а вовлекались на равных правах в процесс государственного строительства.

Данные тезисы вполне согласуются с мнением опытных политиков[13]. Владимир Путин считает: «Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознания «свой — чужой» определяется общей культурой и общими ценностями»[14]. И экс-президент Киргизии, настоящий ученый и истинный евразиец Аскар Акаев, полагает, что высокая пассионарность России проявляется в ее духовной притягательности для окружающих народов[15].

Таким образом, вполне объективной будет формула: эффективное евразийское государственное строительство возможно только в условиях исторического сотворчества русского этноса в сотрудничестве с другими народами Евразии.

Данный концептуальный постулат влечет за собой необходимость формирования соответствующей парадигмы подготовки государственно-управленческих кадров, которые были бы способны стать настоящим локомотивом евразийской интеграции.

При этом упомянутая парадигма, по нашему мнению, должна в своей основе содержать ответ на вопрос, какими качествами должна обладать новая евразийская государственно-управленческая элита, что, в свою очередь, делает актуальной проблему человеческого целеполагания.

В самой сущности человеческого целеполагания содержится неизбежность отрыва низших целей от высших. Безусловно, данный тезис абсолютно противоречит теории либерализма, которая пришла к нам с Запада и стала интеллектуальной и нравственной установкой на такую организацию общественной жизни, которая построена на признании низших целей и прав индивида в узко понимаемых пределах грубого прагматизма. В современном мире большинство людей руководствуются в своей жизни, в своем целеполагании набором сиюминутных факторов, эгоистических интересов, преходящих, случайных эмоций. Мы стремительно утрачиваем общее представление о смысле жизни, о судьбе мира, о логике истории, о целях существования триады «Человек — Общество — Государство». Человеческая жизнь, человеческий дух превратились в пустые фигуры речи.

Большинство политических партий, оформленных социальных движений преследуют конъюнктурные (низшие) цели. Практически нигде (как на постсоветском пространстве, так и в остальном мире) не встретить ясной и последовательной идеологии, способной содействовать триаде «Человек — Общество — Государство» в

активизации выхода из состояния глубокого цивилизационного кризиса.

Даже провозглашаемая неизбежность глобализма воспевается его апологетами прежде всего как необходимость отказа от собственной исторически сложившейся самобытности в пользу формирования однополярного мира, развивающегося по законам западной цивилизационной логики. Сущность этой логики как раз и состоит в том, чтобы уложить народы мира с их цветущей сложностью культур в прокрустово ложе социально-политической, технологической, экономической и идеологической гегемонии западной (прежде всего англосаксонской) цивилизации.

Противостоять всем этим негативным явлениям на просторах Евразии может лишь нового типа триада «Человек — Общество — Государство», ориентирующаяся на высшие цели, вытекающие из природы нравственного идеала как высшей вечно усложняющейся цели, направленной в будущее и получение результата[16]. Очевидно, что идти к достижению этих целей можно, лишь объединив цивилизационный потенциал всех евразийских народов.

В таком контексте для народов России и стран СНГ наступает время признания важной исторической роли идеи Евразийской Интеграции, многократно отображенной в различных теоретических подходах и практико ориентированных проектах социально-экономической и геополитической направленности.

Идея Евразийской Интеграции — это объективно обусловленное явление, предопределяющее вектор развития триады «Человек — Общество — Государство» в постоянно изменяющихся, но тем не менее общих материально-ментально-духовных и пространственно-временных координатах, в которых пребывают народы Евразии на том или ином этапе своего исторического развития. При этом универсальное Евразийское Государство (политико-институциональная квинтэссенция идеи Евразийской Интеграции) представляет собой постоянно усложняющуюся высшую цель, априорно связанную с получением соответствующих экономических, социокультурных, геополитических и духовных результатов[17]. В свою очередь, обеспечение достижения таких результатов есть главная и основная задача истинного Государства, а значит, и подлинного государственного управления.

Такой взгляд на идею Евразийской Интеграции позволяет по-новому посмотреть на современные перспективы евразийского государственного строительства.

Евразийский Союз строить необходимо, но при этом нельзя сосредоточиваться только на прагматических аспектах экономических выгод[18]. Это признают и лидеры стран — участниц евразийской интеграции. Это подчеркнул президент В.В. Путин: «... тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе — ... веление времени»[19]. Безусловно, «новые ценностные, политические, экономические основы» должны стать отображением способности Человека ставить постоянно усложняющиеся цели и устремляться в будущее к их достижению.

Таким образом, реализация долгосрочного цивилизационного проекта по созданию Евразийского Союза должна сопровождаться выработкой новых методологических и идеологических подходов к механизмам государственного строительства, к целям управления, к качествам государственно-управленческой элиты[20].

При этом необходимо осознавать очевидное цивилизационно обусловленное различие между агрессивными либеральными ценностями атлантистского Запада (с доминированием англо-саксонского понимания высших и низших целей), с одной стороны, и евразийскими (в значительной степени имперскими) ценностями Востока, одухотворенными той или иной «идеей-правительницей»[21], — с другой.

Единство европейского мира мыслится Западом позитивистски-рационалистически — как отвлеченное. Запад понимает свое единство как формальное, основанное на экономических связях и нормативно закрепленных договоренностях.

Евразийский мир принципиально иной. Для большинства его представителей характерна первичность трансценденталь-

ного, трансрационального и абстрактно-конкретного мышления и вторичность рационального. В связи с тем, что настоящее стало кратковременным, эта априорно заданная особенность евразийских народов должна быть осознана евразийской элитой[22].

Цивилизационные проявления евразийского мира находятся в неразрывной связи с географическою целостностью. Причем давно уже утвердившийся в науке тезис о Европе и Азии как об одном материке получает в указанном контексте более узкое и точное значение. Материк Евразия в цивилизационном смысле подразделяется уже не на Европу и Азию, а на срединный континент (собственно Евразию) и два периферийных мира: азиатский (Китай, Индия и др.) и европейский (граничащий с Евразией примерно по линии рек Неман — Западный Буг — Сан — Устье Дуная).

Таким образом, в общем и целом, с отклонениями в обе стороны, границы Евразии-цивилизации совпадают (в большей или меньшей степени) с границами Российской империи и СССР. И это еще один пример исторического потенциала России в процессе современного евразийского государственного строительства.

Представляя собой особую часть света, Евразия должна пониматься как замкнутое целое (с точки зрения климата и других географических условий). Ее величиной определяются и ее экономические возможности. Для Евразии исключено активное участие в океаническом хозяйстве, характерном для Европы. Зато естественные природные богатства Евразии (и их распределение) открывают путь к экономической самодостаточности и превращают ее в государство-континент. Единство этого государства-континента отличается весьма своеобразными чертами, которые соответствуют духовно-ментальному типу евразийца. Все это возвращает нас к основным евразийским особенностям триады «Человек — Общество — Государство»:

— осознанию гармоничной связи социально-политической жизни с природой;

— «материковому» самосознанию в безграничности.

Для европеизированного взгляда последнее кажется отсутствием патриотизма (патриотизма европейского). Евразийский цивилизационный тип в виде этой триады не отождествляет себя, как на Западе, с внешней формой, ему ценно прежде всего абсолютно значимое духовное содержание[23].

В данном контексте особое значение приобретает вопрос о формировании принципиально новой парадигмы подготовки и переподготовки управленческих кадров для будущего Евразийского Союза. В настоящее время это направление деятельности существенно отстает от общей динамики интеграционных процессов. Если Евразийский Союз — великий цивилизационный проект, реализация которого предполагает постановку и достижение высших целей полноценного развития триады «Человек — Общество — Государство», то на пути реализации этого проекта нельзя допустить ошибок, которые могут привести к еще более масштабным катастрофам, чем распад СССР.

Одной из таких стратегических ошибок может стать пренебрежение прогрессирующей вестернизацией государственно-управленческой элиты (и не только элиты). Когда собственная страна представляется элитой как культурно отставшая от Европы, когда элита всячески старается доказать себе и Европе собственную «культурность», когда предлагает Европе свои услуги, такая «элита» вряд ли может повести свой народ по пути развития. Естественно, что между такой элитой и народом сначала установится взаимное непонимание, отчуждение, а потом появится непреодолимая пропасть. Оторвавшись от взрастившего ее народа, любая элита (в том числе и государственно-управленческая) начнет засыхать или разлагаться.

Для того чтобы избежать подобных ошибок, необходимо формировать новую, истинно евразийскую государственно-управленческую элиту. Для этого необходимы объединенные усилия всех стран, исторически вовлеченных в процесс создания и развития Великой Евразийской Цивилизации.

Практическое же решение стратегической задачи формирования государ-

ственно-управленческих кадров для Евразийского Союза должны обеспечить профильные высшие учебные заведения, такие, например, как: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Академия управления при Президенте Кыргызской Республики, Институт повышения квалификации государственных служащих Республики Таджикистан. Данные вузы имеют весь необходимый потенциал для формирования евразийской элиты.

Но необходимо учитывать, что перед новой элитой встанут непростые задачи. Если эта элита не будет содействовать возрождению евразийской идентичности, если она продолжит навязывать своим народам западную модель (в сфере духа, в сфере экономики, политики, права, образования и культуры) как самую удачную в мире, если процессу вестернизации и агрессивной либерализации связей между Человеком, Обществом и Государством она не даст решительного отпора, то на просторах Евразии появится всего лишь жалкая копия Евросоюза.

Концептуальные же ориентиры Евросоюза весьма сомнительны с точки зрения наполнения высоким духовным смыслом триады «Человек — Общество — Государство»[24]. Поэтому абсолютно неоправданными видятся нам различные проявления ложной доктрины интеграции «в развитый мир», «Большую Европу», «цивилизованный Запад» и т.п.

Новое Евразийское Государство, выстраивая позитивное партнерство со всеми желающими государствами и народами мира, не может и не должно куда-то интегрироваться (в смысле встраиваться) и вписываться. Его глобальной задачей должно стать восстановление в новом виде на всем колоссальном континентальном пространстве Евразии своей собственной уникальной Евразийской Цивилизации.

Евразийский Союз должен стремиться стать государством-цивилизацией, культивирующим инновационное развитие триады «Человек — Общество — Государство», в рамках которой и вырабатывается способность решать самые главные мировые проблемы современности.

Для этого необходимо мобилизовать все научно-технические и организационно-управленческие возможности, сформировать здоровый культурно-исторический оптимизм, начать системную работу по продвижению инновационных принципов евразийского государственного строительства.

Все это позволит евразийским народам реализовать высшую цель: в союзе и диалоге с другими цивилизациями обеспечить справедливый мировой порядок, построенный на идее равного доступа к развитию каждого элемента триады «Человек — Общество — Государство». Основанный на такой высшей цели, механизм формирования и реализации государственного управления позволит сохранить самобытность евразийских народов и культур и дать импульс для формирования цивилизационно сильного Евразийского Государства.

Библиографический список

1. Акаев А.А. Евразийские перспективы возрождения России. — СПб.: Информ. агентство «Северная звезда», 2012. — 408 с.

2. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. 1925. — № 1. — С. 134—139.

3. Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. — М.: Наука, 1980. 456 с. с ил. и карт.

4. Евросоюз и его настоящая миссия [Электронный ресурс] // Контрпропаганда: [сайт]. [2006]. URL: http://counter-propaganda.w3.lt/es_eu_/eumi3s/rueumi3s.php (дата обращения: 14.12.2012).

5. Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. — 2011. — 17 октября.

6. Марков В.И. Евразийство как система ценностей // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 2003. — № 3. — С. 27.

7. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. — 2011. — 25 октября.

8. Нарышкин С.Е. Евразийская интеграция: парламентский вектор // Известия. — 2012. — 4 октября.

9. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. — 640 с.

10. Плутарх. Моралии: Сочинения. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 1999. — 1120 с.

11. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 2011. — 3 октября.

12. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23 января.

13. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — С. 42.

14. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // История, культура, язык. — М.: Прогресс, 1995. — С. 329.

15. Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм // История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. — С. 425.

16. Тюрин Е.А. Теократический фактор в политике. — Орел: Издательство ОРАГС, 2009. — 180 с.

17. Узилевский Г.Я. Внешние детерминанты переосмысления природы управления // Среднерусский вестник общественных наук. — 2012. — № 4(2). — С. 78—79.

18. Узилевский Г.Я. Истоки и особенности метафизической трансрациональной методологии научных исследований // Человек и управление нравственно ориентированным развитием социальных институтов. — Орел, 2010. — С. 17—41.

19. Узилевский Г.Я. Нравственный идеал и мудрость как движущая сила новой формы территориального общественного самоуправления // Умный город. — Белгород, 2012. — С. 267—268.

20. Фишер-Фабиан С. Александр Великий. Мечта о братстве народов / Пер. с англ. Н. Фатовой и др. — Смоленск: Русич, 1997. — 427 с.

[1] Узилевский Г.Я. Внешние детерминанты переосмысления природы управления // Среднерусский вестник общественных наук. — 2012. — № 4(2). — С. 78—79.

[2] Узилевский Г.Я. Истоки и особенности метафизической трансрациональной методологии научных исследований // Человек и управление нравственно ориентированным развитием социальных институтов. — Орел, 2010. — С. 17—41.

[3] Подробнее о социокультурной интерпретации евразийства см.: Попков Ю.В. Евразийство как социокультурный тип / Ред. Ю.В. Попков., Е.А. Тюгашев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2003. — № 3.

[4] Плутарх. О судьбе и доблести Александра. Речь первая // Плутарх. Моралии: Сочинения. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 1999. — С. 587.

[5] Плутарх. Там же. С. 601.

[6] Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. — М.: Наука, 1980. — С. 335.

[7] Марков В.И. Евразийство как система ценностей // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 2003. — № 3. — С. 27.

[8] Подробнее см.: Фишер-Фабиан С. Александр Великий. Мечта о братстве народов / Пер. с англ. Н.Фатовой и др.. — Смоленск: Русич, 1997. — 427 с.

[9] Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Континент Евразия. — М., 1997. — С. 302.

[10] Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. — С. 425.

[11] Гринберг Р.С. Не вижу никакой альтернативы щедрости России при создании Евразийского Союза // Известия. — 2011. — 24 ноября.

[12] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23 января.

[13] Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. — 2011. — 25 октября; Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 2011. — 3 октября; Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. — 2011. — 17 октября; Нарышкин С.Е. Евразийская интеграция: парламентский вектор // Известия. — 2012. — 4 октября.

[14] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23 января.

[15] Подробнее см.: Акаев А. Евразийские перспективы возрождения России. — СПб.: Информ. агентство «Северная звезда», 2012. — 408 с.

[16] Подробнее см.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 45 – 46.

[17] Узилевский Г.Я. Об истоках, потенциале и возможном пути развития общества мудрости // Общество мудрости: истоки, потенциал, возможности формирования. – Орел, 2011. – С. 24 – 27.

[18] Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. – 2011. – 25 октября.

[19] Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 3 октября.

[20] Узилевский Г.Я. Нравственный идеал и мудрость как движущая сила новой формы территориального общественного самоуправления // Умный город. – Белгород, 2012. – С. 267 – 268.

[21] Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // История, культура, язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 329.

[22] Уместно сказать, что виды мышления, обусловленные единством умопостигаемого и чувственного миров, изучаются в рамках метафизической методологии научных исследований на базе Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. См.: Узилевский Г.Я. Истоки и особенности... С. 17 – 41.

[23] Подробнее см.: Тюрин Е.А. Теократический фактор в политике. – Орел: Издательство ОРАГС, 2009. – 180 с.

[24] Подробнее см.: http://counter-propaganda.w3.lt/es_eu_/eumi3s/rueumi3s.php +

Turin E.A., e-mail: Turin.of.Foveran @yandex.ru
Scientific secretary of the Orel branch of Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation, associate professor of the department of political science, state and municipal administration, candidate of political sciences, associate professor (Russia)

TO THE QUESTION OF THE EURASIAN STATE INTEGRATION

The article deals with the conceptual guidelines of the Eurasian nation building. The author, on the basis of the theory of Eurasianism and metaphysical methodology considers the historical experience of the ideological explanation of civilizational integration of peoples and cultures, analyzes modern integration potential of post-Soviet states, shows the objective consequence of the development of new approaches to the Eurasian nation-building, proves the need for a new Eurasian state-managerial elite. According to the author, of particular importance in the formation of the new Eurasian statehood and managerial elite and the Eurasian nation building takes innovation activity of specialized universities that provide training and retraining of civil servants in Russia, Kazakhstan, Belarussia, Kyrgyzstan and Tajikistan.

Key words: Eurasian Union, the Eurasian integration, the Eurasian state, nation-building, the state-civilization, the triad of "Man – Society – the State", the objectives of government, historical memory, passionarnost, the brotherhood of nations, state-forming ethnos, westernization, the new elite, public managers training.